

К 556

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 40 КОП.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР — БРАТЯ-ПИСАТЕЛИ

КРОКОДИЛ

№ 16 МОСКВА, ИЮНЬ

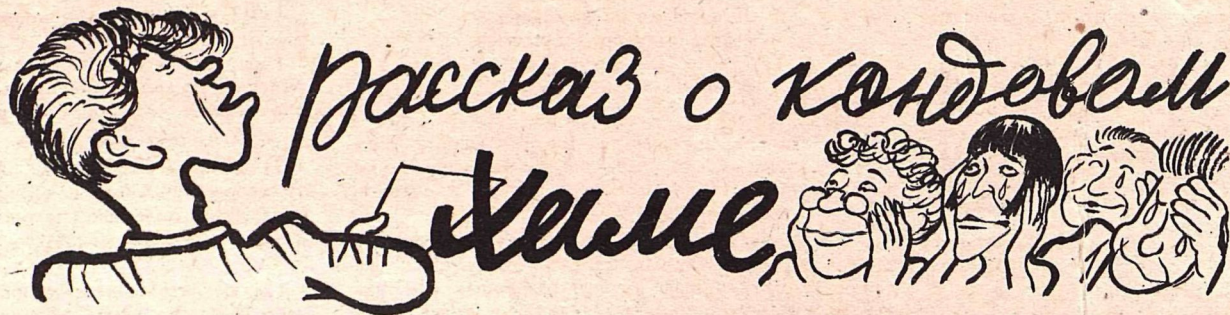
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» 1934

ЗАКОННОЕ НЕДОУМЕНИЕ

Рис. К. Ротова

ЧИТАТЕЛЬ: — Продукция — оно, конечно, хорошо. А вот как бы роман хороший или повесть почитать!

«И возбуждал восторги дам
Огнем кулацких эпиграмм».

Явление Васюкова народу произошло несколько лет назад. В некоем литературном сборище. Встал за столом совсем молодой человек и нараспев прочитал поэму: «Каракорытые буераки».

Он еще не успел закончить чтение. Еще звенели пламенные строфы поэмы:

*В курене моем, поверьте,
Сытно было, хорошо.
В сундуках, как тихий ветер,
Шелестел старинный шелк.*

Еще исходил Васюков в безысходной тоске:

*Тот далекий, милый хутор
Виден мне в пшеничной дали,
Вижу — вот идет как будто
Подхорунжий весь в медалях...*

И вдруг в затихшем зале раздался душеарадирующий крик. Это известная литературная дама Антонина Мокроглаз от избытка чувств упала в обморок и тут же, не приходя в сознание, написала восторженную статью.

Напрасно более уравновешенные соседи пытались привести ее в чувство. Она на миг приоткрыла свои набухшие от слез веки и простонала:

— Какая прелесть! Да ведь это настоящий поэт кулачества! Какой лиризм! Дайте ему только подрасти! Ну, вылитый ранний Есенин! Какая чудная тоска по старине! Какой слог! Какая антисоветскость! «Вижу — вот идет как будто подхорунжий весь в медалях!» Ведь этот подхорунжий так и стоит перед моими глазами! Какая стихийная реакционность! Ах, как чудненько! Нет, нет, пожалуйста, не приводите меня в чувство, — простонала обильно политая водой из графина товарищ Мокроглаз и снова потеряла сознание.

Домой ее бездыханное тело отправили в карете скорой помощи.

И шел дорогой той редактор. Почтенный и безмерно спокойный. Редактор путешествовал в прекрасном. Он был влюблен в красоту и мечтал о лаврах мецената. Ему хотелось найти большое жемчужное зерно. И чтобы в веках пошла немеркнущая слава, что это большое жемчужное зерно раскопал он — почтенный, уважаемый и безмерно спокойный редактор.

И вот шел дорогой той редактор, встретил юного Васюкова, взял его рукопись и напечатал ее раз. И еще раз. И еще много, много раз.

Васюков входил в славу. Его приглашали на банкеты и возили на курорты, хвалили в журналах, воспевали в «Колоратурной газете». Вокруг него плясали, приотпывали, шаманили и били в кимвалы: «Ах, какой интересный! Ах, какой чудненький! Ах, какой реакционненький!»

Соответствующего звания читатели восторженно ахали, ухали, вздыхали, причмокивали, крикали, щебетали, заливались от счастья и изнемогали от неги, закатывали глаза и глогали слюни, падали в обморок и плясали от радости, визжали, стонали и рыдали навзрыд.

У Васюкова оказалась широкая, удалая натура. Восторженная молва о его веселых похождениях переполнила сердца его почитателей гордостью и счастьем.

— Слыхали? — спрашивали друг у друга завсегда «Кутка писателя», — слыхали, как Васюков вчера набил морду кондуктору в трамвае? Тот болван, понимаете, нагло спрашивает у него — у поэта! У такого чудненького поэта! — деньги за билет! Ну, Васюков, конечно, не выдержал этого безобразия и как стукнет этого идиота по морде! У того, ясно, кровь на всю морду! Васюков — он ударить может! Силушка в нем сермяжная! Мы с Иван Ивановичем так хожотали, так хохотали!

— Знаете, — толковали на другой день на уютном междусобойчике, — вчера Васюков очень мило издевался над своей женой. Совсем как когда-то, когда еще не было «победоносного пролетариата». Он таскал ее за косы, как бог, как ангел, как настоящий довоенный муж. Ах, какой милый хам! Какой избяной хам! Какой кондовый хамчик! Какая шикарная сермяжность!

Васюкова распирало от денег. В «Кутке писателя» его встречали угодливо изгибавшиеся официанты. Он бросал им червонцы и требовал поклонения. И поклонение следовало.

— Кто единственный на всю Россию поэт? — вопил упившийся славой и водкой Васюков. И тыкал в самого себя перстом. — Я единственный на всю Россию поэт! Я единственной всех! Что мне советская власть! Захочу полюблю, захочу разлюблю! Меня сама Мокроглазиха денно и ночью славит! Меня сам ответственный редактор родным называет!

Горы бутылок, нагроможденные на письменном столе Васюкова, мешали ему писать. Васюков ходил по знакомым, гулял с тросточкой по широким кудрявым московским бульварам и изнемогал от сермяжности. Он бросил курить папиросы. Даже самые дорогие. Он перестал курить табак. Даже самый импортный. Он круто набивал свою трубку фирмиаком и с наслаждением затягивался.

С сожалением, смешанным с нескрываемым презрением, смотрел он на молодых инженеров, проводивших бессонные ночи над чертежами великолепных изобретений, на химиков, напряженно вычислявших заветные формулы, на писателей и поэтов, упорствовавших в боях за убедительное, ясное слово, за книгу, нужную Советской стране.

— Разве это жизнь! — иронически восклицал он. — Ну, выдумают еще одну машину, еще один препарат, еще один, извините за выражение, тук, напишут еще один роман! А потом что? А потом снова сядутся за работу! Нет-с! Извините! Слуга покорный! Я — поэт! Настоящий поэт! Вот напишу поэму и потом год, два, три года желаю и буду жить во-всю. И хамить буду. Настоящий поэт должен хамить! Например, Есенин! Например, я!

— Вы бы как-нибудь переживались, Васючок, — ласково утешала его не самые восторженные его почитатели. — Все-таки, знаете, как-то неудобно. Все-таки, знаете ли, у нас советская власть. А вы, извините, кулацкий апологет. Может быть, все-таки перековались бы полегоньку?

— Мне и так хорошо, — рассудительно отвечал Васюков, — меня и так печатают и так хвалят. Ваше дело — перевоспитывать, мое — хулиганить.

— Бросьте хамить, — усовещали Васюкова рассудительные люди. — Как-то неудобно. Разговоры про вас ходят нехорошие.

— И пусть ходят! Во-первых, мне от них только известность прибавляется. А во-вторых, все это жидовские разговорчики...

Тут уже на что Васюков волю чувствовал и тот испугался. Дернула его нелегкая выговорить слово «жид»... Он опасливо посмотрел на лица своих слушателей. И действительно, все они явно смущались, минуту застенчиво промолчали. Но потом оправались от смущения и восторжено заахали: «Ну, совсем как Геббельс! Антисемит, хамит! Ах, какой, непосредственный. До чего интересно такого перевоспитывать. Не страшно, если один поэт и будет у нас ходить в антисемитах».

Тогда Васюков развернулся во-всю...

И вдруг появилась в газетах статья очень большого человека. И в этой статье Васюкова назвали его настоящим именем: классовым врагом и грязным осколком буржуазной литературной богемы.

Почитатели Васюкова спрятались по своим щелям. Остальные начали говорить о нем полным голосом, как о враге, как о пакости, от которой нужно очистить советскую литературу.

А Васюков продолжает ходить по улицам и кабакам, спокойный и веселый.

— Вот это реклама! — радуется он в кругу своих друзей. — Теперь меня вся страна узнает. Теперь я по червонцу за строчку брать буду.

— А может быть, тебя, Васючок, теперь приглашать не будут? — осторожно спрашивают его тактичные почитатели.

— Будут, — уверенно отвечает сермяжный Васюков.

— И не такое со мной случалось и то ничего. Пригласят.

КАШАЛОТЫ РЕЗВЯТСЯ НА СОЛНЦЕ

Некоторые ответработники детских издательств думают, что детям читать еще рано. И что лучше, если ребенок подрастет, женится, укрепит к сорока двум годам свое миросозерцание, пойдет в библиотеку и возьмет почитать древнехалдейские притчи и пословицы, изданные «Академией». Допустим, что при таком обороте легче всего можно навести экономию на бумаге и сохранить трудоспособность ответработников. Но все же детские книги издавать надо.

Дореволюционный издатель разрешал проблему детской книги деловито и просто. Вызывалась заведующая отделом выкопок и рисунков для выпиливания из журнала «Нива», ей заказывался очередной детский опус, и при обоюдном согласии двух сторон, на рынке появлялся очередной многокрасочный разгул творчества:

«Рыбка плавала в водичке,
Наслаждаясь червячком,
А на соснах пели птички
Утром и вечером».

Для более точного уяснения детьми этих незамысловатых картин отечественной флоры и фауны к тексту прибавлялись соответствующие рисунки: небольшая зеленая рыбка завтракает коричневым червячком в натуральную величину, а в некотором отдалении розовые птички внимательно смотрят задумчивым взглядом с синей сосны.

У нас нередко бывали попытки целиком и полностью освоить это классическое наследство с легкой заменой портативных червячка и рыбки более громоздкими комбайном и катерпиллером, а синих птичек на сосне — поучительными выводами. Получалось несколько сложнее, но мало радостно для самого издателя:

«Ехал Ваня на комбайне,
Чтобы трактор закупить,
И хотел он очень Тане
Катерпиллер подарить».

Правда, в таких стихах мощно поднималось в детских глазах значение индустриализации сельского хозяйства, но дети не только не заучивали их наизусть, а наоборот, худели и становились пугливыми.

Были попытки внесения в детскую литературу точных научных данных, строго проверенных сведений из прикладных наук и цифровых оформлений некоторых популярных явлений природы. Особенно здесь трогали искренние попытки сохранить стиль ласки в соединении с авторитетностью содержания. Книжки эти начинались так:

«Маленький Вася, крохотунчик-крикунчик, поймал бабочку, похлопал ручонками и сказал:

— Агу! Агу! А если взять цементную колонну, в 2,03 метра в диаметре, врыть ее в суглинистую почву, на ней может поместиться полторы тонны суперфосфата! Агу!

Смуляночка-гуляночка Танюша ответила:

— Врешь, братишка, вручиваешь. А если мамочка возьмет у папочки радиус в 2372 кубометра и помножит его на силу звука, наша трудовая семья получит расстояние от Марса до силовой башни! Тип-топ перетоп!»

Но особенно юный читатель страдает от иллюстраций к детским книгам. Как известно, изобразительное искусство в этом возрасте действует сильнее, чем печатное слово, и вдумчивый ребенок зачастую спрашивает у взволнованного родителя:

— Папа, почему эта лошадь так похожа на мороженое?

Родителю приходится взывать только к логике умного ребенка и, перелистав несколько страниц, озадачивать его таким же рискованным вопросом:

— А почему этот поезд похож на кота?

И действительно, как объяснить даже самому толковому пионеру, почему на рисунке в детской книге два мальчика похожи на извержение вулкана, речка — на пожилую овцу, а горизонт — на хромого зайца?

Иллюстраторы детских книг рассуждают так:

— Мальчик едет на корабле в качестве юнги. Что он ест? Солонину. Не оригинально. Пусть он ест кашу. Где он ест? На реке. В этом морской колорит. Кто на него смотрит? Мама? Ей нечего делать на корабле. Папа? Его отец — трудовые массы. Идеологично и легко поддаются графики. Пусть на него смотрит ватерлиния. Итак начнем.

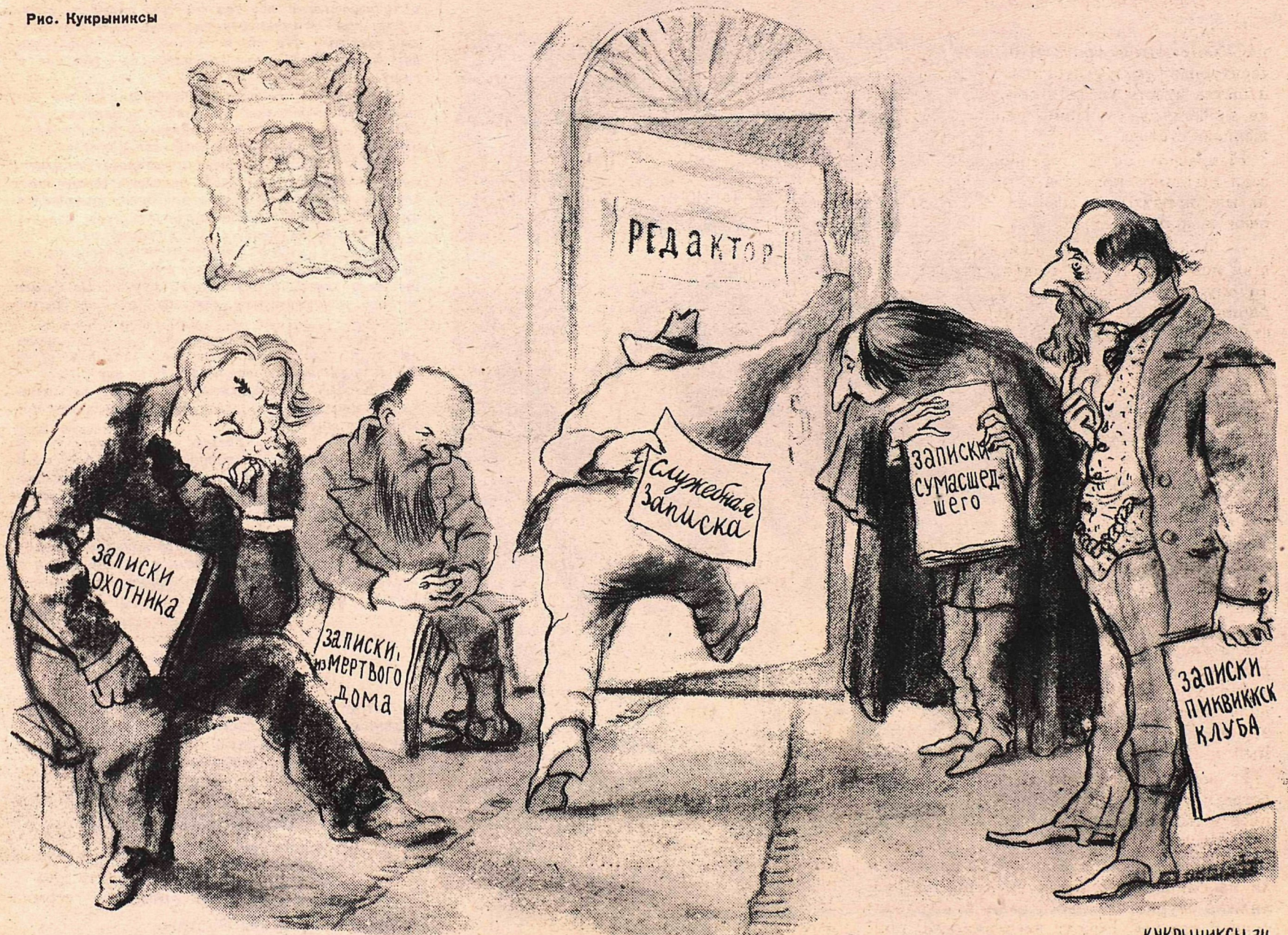
После такого подхода рисунок получается в следующем виде. На углу ватерлинии маячит горшок с кашей, а на верхушке реи висят матросские штаны и голова юнги. Вскоре выясняется, что в повести мальчик вовсе ничего не ест, а на океане — буря. Поэтому техредактор ставит под рисунком подпись: «Кашалоты резвились на солнце».

Дети читают и хиреют. Они еще не знают, что им читать рано и что «Академия» к их юбилею переиздаст цыганские скороговорки и присловья XVII века с чертежами и вариантами мелодий. Ведь дети — цветы жизни. А трудно ли цветам подождать хорошей книжки?

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

ПОКРЫЛ

Рис. Кукрыниксы

КУКРЫНИКСЫ-34

— Посторонитесь вы со своими записками! У меня — самая сильная!

ОН ГОВОРИТ, КАК ПИШЕТ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Василий Нерехта — писатель.
Люда — его жена.

(Комната, полки с книгами. Диван. Василий и Люда пьют мирно чай.)

ПИСАТЕЛЬ: — Третьего дня я в глубоком раздумьи возвращался домой. Падали темно-фиолетовые сумерки. Закат догорал причудливыми узорами.

ЛЮДА: — Опять ты со мной разговариваешь этим идиотским языком. Сколько раз я тебя просила, умоляла: говори со мной по-человечески. Я пришла с работы, устала. Надо же и соевсть иметь, Вася!

ПИСАТЕЛЬ: — Я говорю так, как пишу.
ЛЮДА: — Но я же не твой читатель. Я — твоя жена. А разговариваешь со мной, как чорт знает с кем! Без всякого уважения. Книги твои — все эти «Буреломы», «Водовороты», «На стыке», «На под'еме», «Бугры», — я могу просто не читать. Но, живя с тобой в одной комнате, я вынуждена тебя выслушивать. А ты абсолютно со мной не считаешься. Вот именно, говоришь, как пишешь. Это возмутительно!

ПИСАТЕЛЬ: — Пусть это тебя не тревожит, — сказал он ей, передохнув... — То-есть. А чорт... прости, пожалуйста. (Бодрей). Я вижу, — тени недовольства легли на твоем смуглом лице и грудь твоя тяжело вздымается.

ЛЮДА: — Сейчас же замолчи. Болван. Боже мой, как я несчастна. «Тени недовольства легли на моем лице...» как я несчастна! И так семь лет. За семь лет совместной жизни ни одного живого слова! В трамвае я лучше себя чувствую, нежели дома. «Тени недовольства...» (Тяжело

вздыхает. Усталая идет к дивану. Ложится и плачет).

ПИСАТЕЛЬ (подбегает к дивану, становится на колени): — Людусенька, прости. Больше не буду. Честное слово. Клянусь.

ЛЮДА (сквозь слезы): — Не верю. Это уж не от тебя зависишь. Ты много раз обещал, клялся, — и все то же. Помнишь, мы стояли у Каменного моста во время ледохода... Я так любила ледоход, а теперь ненавижу... Помнишь, я тебя умоляла молчать, а ты все-таки сказал: (всхлипывая) «По свинцово-желтой, неприветливой реке мчатся, обгоняя друг друга, плоские льдины (громче всхлипывает). Ветер не по-апрельски свиреп», — ты сказал... Я бежала от тебя и чуть не попала под автобус. Возможно это было б для меня лучше... Нам не надо жить вместе, Вася. Я больше не могу так. Мне тебя жалко, но лучше нам расстаться.

ПИСАТЕЛЬ: — Людуся, Людочка. Моя...

ЛЮДА: — Ну, скажи, скажи хоть одно живое слово.

ПИСАТЕЛЬ: — Моя... Моя долгожданная. (Люда мучительно стонет).

ЛЮДА: — Нет. Если ты меня хоть немножечко еще любишь, то согласишься, что лучше всего — это нам не жить вместе. Я чересчур терпелива и чересчур добра к тебе. Другая на моем месте уж давно бежала б... Все это слишком тяжело.

ПИСАТЕЛЬ: — А мне, думаешь, легко...

ЛЮДА: — Ну, ну...

ПИСАТЕЛЬ: — Мне тоже тяжело. Ведь мне приходится все это не только говорить, но и писать.

ЛЮДА: — Вот, вот.
ПИСАТЕЛЬ: — Я тоже устал... Твои страдания...

ЛЮДА: — Ну, ну...

ПИСАТЕЛЬ: — ...твои страдания пророждают во мне тягостные думы, и печаль на твоём изможденном лице сутулит мои плечи.

ЛЮДА (вскрикивая, вскакивает): — Опять говоришь, как пишешь! Как ты смеешь! Почему С. Манчурский пишет чорт знает как, а с женой разговаривает по-человечески? Ого, посмея бы он с ней говорить так, как пишет. Это только одна я, дура, терплю... Да все, все твои коллеги с людьми разговаривают по-человечески, а не как с каким-нибудь читателем... Довольно! Не позволю больше надо мной издеваться! Урод! Жалкий идиот!

ПИСАТЕЛЬ: — О, я глубоко несчастен! Я — жертва... Я — жертва литературного недуга!

ЛЮДА: — Хватит. Натерпелась. Довольно. Ты мне все испоганил, Василий Нерехта!... Я так любила небо, вечер, закат, реку... А ты все испоганил... «По небу плыли перистые облака...» О-о! «Река катилась свои мутные волны...» А-а!... «Закат догорал причудливыми узорами...» Все испоганил. Все! Ты! Василий! Нерехта!

ПИСАТЕЛЬ: — Что мне делать, что мне делать? Ты права. Я знаю. Но что мне делать? Я говорю так, как пишу. Это мое несчастье. Помоги мне, Людочка. Научи меня говорить не так, как я пишу. (Люда хочет что-то сказать).

ПИСАТЕЛЬ: — Не ругай меня. Мне и так горько... Твои слова падают тяжелыми булыжниками на мой бедный череп, и слезы тяжелой дробью катятся по смуглому лицу... (как бы что-то вспомнив, Нерехта вскрикивает и зажимает себе рот ладонью. Люда стонет).

ПИСАТЕЛЬ: — Не буду, не буду... Я не виноват. У меня это само выходит. Из меня прямо все это прет... Мне иногда хочется прямо бежать в типографию и все это вылить прямо в цинк, в матрицы. Это намного удешевит производственные расходы... Но что я говорю, боже мой... Люда! Люда, научи меня говорить не так, как я пишу.

ЛЮДА: — Хорошо. Успокойся. Ну, вот попробуй, расскажи мне какой-нибудь эпизод... Ну, хотя бы из гражданской войны. А я тебя буду поправлять. Только спокойней. Не волнуйся.

ПИСАТЕЛЬ (после некоторого раздумья, очень оживленно): — Небо со всех сторон заволкло тучами. Внедалеке за пригорком раздавался мелодичный звук пулемета: та-та-та...

ЛЮДА (кричит): — Остановись!

ПИСАТЕЛЬ (хочет остановиться, но не может): — Бух, бух, — загрохотали пушки. И как бы им в ответ... (Люда что-то кричит. Подбегает к Васе, закрывает ему ладонью рот, но бесполезно).

ПИСАТЕЛЬ: — ...как бы в ответ запели пули: фию, фию. Та-та-та, — поливал пулемет (Люда сильнее закрывает Васе рот).

ЛЮДА (безнадежно): — Ничего не поможет. Бесполезно. Ты неисправим. (Печальная ложится на диван).

ПИСАТЕЛЬ (бежит по комнате): — Я погиб, я погиб... (неожиданно останавливается). В комнате воцарилась мертвая тишина. Он прислушивается к тиканью часов. В этом безнадежном тик-так, тик-так промелькнула вся его жизнь. Все погибло, — сказал он сам себе. — Вдали промчался поезд. Колеса четко отстукивали: погибло, погибло, погибло... Он прижался горячим лбом к холодному стеклу (отчаянно кричит). Темнело! (Люда мучительно стонет).

Б. ЛЕВИН

СТРОГОСТЬ ПРАВОВ

По строгости своей Арфенин в авангарде. Принципиален он безмерно глубоко! Он группу творческую создал на бильярде И предисловия проигрывал в очко.

СВОЕОБРАЗНЫЙ ТАЛАНТ

У писателя Брехало Проторенная дорога: Он пописывает мало, Но подписывает много.

У писателя Брехало Знаменитая снововка: Он почитывает вяло, Но подсчитывает ловко.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

МАЛЕНЬКИЙ ДЕФЕКТ

Рис. Л. Бродаты

4 — Не плохая у меня библиотечка скопилась. Жаль только, один отдел пустоват немного...

Рис. М. Храпковского

В вагоне всегда один из пассажиров подавляет остальных своей железнодорожной опытностью. Но на этот раз такой «опытнейший» был из ряда вон выходящим светилом.

Его приходили послушать из других вагонов. Молодая проводница, в ситцевой пестрой юбке и черном кителе с форменными пуговицами, стояла подле этого знатока и, разинув рот, внимала его откровениям. Старший кондуктор начал было проверку билетов, но, дойдя до него, остановился и прислушался. Подле кондуктора, не скрываясь, стояли зайцы. Один из зайцев даже положил ему руку на плечо, но тот этого не замечал.

А знаток гремел.

— Нет, это вы неправильно сели в этот поезд,— поучал он,— вам надо было брать билет на поезд 32-бис. Там пересадка в Шепетовке, а не в Лозовой. И ждать на час меньше, и буфет в Шепетовке дешевле на 30%. Правда, пива я вам в Шепетовке не советую пить, зато в Лозовой вы за рубль имеете маленькую стопку водки, а в Шепетовке рубль стоит большая стопка. То же и пирожки: в Шепетовке—хорошие пирожки с мясом. С рисом же не рекомендую. Настоящий ханский рис в пирожках мы имеем только на кавказских дорогах: Дербент, Махач-Кала, Баку, Тифлис... Ну, и в Средней Азии. Не дурны также пирожки по линии Мурманск, Котлас, Вологда. Но там главная начинка капуста...

— Скажите, товарищ, а как вы боретесь с дорожной пылью?

— Очень просто: пылесос. Вот он у меня—в чемодане. Однако не рекомендую пользоваться им по Курской дороге от Синельникова до Харькова. Угольная пыль Донбасса пылесос засоряет.

— Извиняюсь, что мы в Белград придем с опозданием или как?

— На этот вопрос сумею ответить после смены паровоза, через полчаса. Осмотрю его, тогда и составлю мнение.

— А вот еще скажите, что, по-вашему, надо есть сегодня в вагоне-ресторане?

— Суп советую с'есть. Второе—рыбное, сейчас не сезон для рыбы. Переждите час и закажите порционный омлет.

— Это верно. А пока, знаете, я чайку попью.

— И тоже не рекомендую. Сейчас мы едем в полосе известняков. Вода твердая, с осадками. Кончится за Курском. Там будет уже мягкая влага, без отложений. Там и надо пить чай.

— Скажите, товарищ, а что читать в дороге?

— Только детские книги. В детских книгах— крупный шрифт, глаза не портятся. Я лично вот уже 4 года ничего, кроме книжек для младшего возраста, не читаю. Езжу и читаю. Мой любимый поэт—Маршак. Волнует, знаете ли, своей лирикой. Еще вот Чуковский. Недавно прочел «Мойдодыр». Очень интересно. Как утюги убежали от мальчика. Так хочется знать, что будет дальше...

— Извиняюсь, а что вы делаете, чтобы вещи не воровали?

— Много. Иногда привязываю чемодан на веревку с хлопучкой. Если потянуть,—раздастся взрыв. Но, знаете, забываешь иногда, или сосед захочет передвинуть,—выходит пальба. Неудобно. Есть способ тише и солиднее.

— Какой?

— Привязать чемодан к ручке Вестингауза. Дернут, а поезд и остановится. Очень помогает.

— Я извиняюсь,—сказал кондуктор,—а какая ваша есть профессия, что вы все ездите? Вы—ревизор или инспектор?

— Нет,—сказал знаток,—я не ревизор.

— Уполномоченный по сбыту?

— Нет.

— Значит, насчет сельского хозяйства?

— А вот и не то.

— Что же?—старались угадать все окружающие.—Может, вы при иностранных специалистах ездили? Просто, может, характер неуживчивый,—места меняете? Наркомпутьец? Ученый?

— Нет, нет!

— Да кто же вы? Откуда вы можете так хорошо знать железнодорожные порядки?

— Я? Я—писатель. Вот кто я. 4 года езжу по новостройкам, колхозам, совхозам, по маневрам, по шахтам, заводам...

— А пишете когда же, если все время в пути?

— Писать я, действительно, бросил. Не то, чтобы отучился, а не тянет. Да и когда тут? Ездить все и ездишь.

Проводница жалостливо вскрикнула, и все стали расходиться.

В. АРДОВ

ПЕРЕВОДЧИК: — Ой, чуть не столкнулся с этим иностранным писателем. Вдруг узнал бы, что я его переводил!

ПЕРЕУЧЕТ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Слава приходит к писателю неожиданно. Так иногда приходят полотеры в выходной день. Но полотеры, нарушив размеренное течение жизни, быстро уходят, а слава остается. Оставшись, она требует новых романов в полукоронных переплетках с пространными списками опечаток. Новых повестей в пестрых супер-обложках с фамилиями ответственных корректоров. Даже иногда полного собрания сочинений с портретами автора в творческих, бытовых и изысканных позах.

Автор первой части психологического романа «Слышимость» Казимир Воробеев знал об этих причудах славы, но ничего не мог сделать. Уже четыре года творчество его было закрыто на переучет возможностей. Популярность еще бежала за ним, как бездомная собака, тоскующая о хозяине, но уже тихо повизгивала в нетерпеливом ожидании. Литературные и критические просторы еще лежали перед ним пыльным пляжем, и он неторопливо шагал по нему в светло-коричневых брюках из торгсинного швиота, но уже то там, то здесь раздавались всплески новых гениев, и солнце доброжелательства грело новые спины и ляжки.

Нужно было срочно заняться самой неприятной и обременительной стороной литературного ремесла — писать. А Казимир Воробеев не писал.

Первая часть романа «Слышимость» была создана в порядке обиды. Будучи еще автором коротких опусов в вечерней газете о неполадках с полковой улиткой и недооценке сои, Воробеев ежедневно обедал в гущенной творческой атмосфере. Во время томительного перерыва между супом-пейзаном и прессованными по местному способу битками заведующий отделом «Прибыли овощи» угрожал советской общественности написанием оперы. Вроде вагнеровского «Кольца Нибелунгов». Но одноактной и с готовым каркасом для злободневных куплетов. Фоторепортер Шмугло заканчивал поэму «Тропики и тропы» и по частям относил ее для консультации в Автодор. Даже переводчик с греческого и латвийского, лингвист и застройщик Химчик, срочно переделывал Дарвина для летней сцены. Среди таких размахов было почти невозможно не примкнуть вплотную к творческим высотам. И однажды Воробеев, минуя маячащее контрамаркой кино, пошел домой и сел писать проблемный роман.

Из проблем, горячо обсуждавшихся на публичных дискуссиях в то погожее лето, легче всего усвояемой для психологической трилогии оказалась проблема о галстуке. Есть ли галстук отрывка или наоборот. Многие уже сказали свое мощное «да» и понесли галстук с крапинками как знамя. Некоторые еще сомневались: не повлечет ли за собой галстук на шею — патефона, ландышей, налимью печенку в томате и чистую лирику? Воробеев открыто выступил в романе — за.

Герой его романа, зубной врач Лошадиных был типичным галстуконосцем от природы. Но он жил и боролся не только ради одного галстука. Он проповедывал отдельную уборную для каждой семьи и душистое мыло для командиремых. Он любил женщин только с холодной завивкой. И менял воротнички.

После напумевших романов «Бетон», «Бидон» и «Гудрон», где на каждой строчке сушились портянки, а второстепенные герои спали исключительно под товарными вагонами, воробеевская «Слышимость» была встречена, как новый выпуск популярного одеколора. О ней не только говорили,

но ее даже читали, что было почти невероятно.

Критики заиграли зорю. Осенью «Слышимость» признали бы выпадом мелкобуржуазной стихии, но летом критики добреют на пригородных дачах от простокваши, теряя стойкость и бдительность. Один из них сразу пошел в бой, объявил Воробеева советским Уальдом и предложил тут же, не сходя с места, осваивать его, как классическое наследие. Остальные трубными звуками присоединились к предвдущему оратору. Еще накануне Воробеев ложился спать в заплатанных фиолетовых кальсонах, мечтая о снисходительности, а наутро проснулся в них же проблематистом и знаменитостью. А в полдень его снимали фоторепортеры формалистическим подходом — снизу вверх, как фабричную трубу для кинохроники. И просили оптимистически улыбаться.

IV

Первая часть «Слышимости» вышла в зеленой обложке и с иллюстрациями. Потом — в сиреневой и без иллюстраций. Потом — почти без обложки и почти без иллюстраций, а несколько позже появились и два дополнительных издания с перепутанными страницами в тисненых золотом переплетках. Три издательства копили колени для второй части, но она не появлялась.

Зубной врач Лошадиных так и застрял на пороге второй части с последним монологом о подтяжках и озеленении мест общественного питания. Автор «Слышимости» горько улыбался и встревоженно искал новых проблем. Он мощно кричал из кабинета свое творческое «ау», но проблемы не откликались.

Жизнь делала свое злое дело с Воробеевым. Уже отдельные семьи ходили в отдельные уборные в новых домах. Галстуки гудами пылались в

универмагах, пестрые и доступные. Домработницы завивались холодной завивкой, ломовики носили подтяжки, а в местах общественного питания гиадинты и левкой вытеснили солонки и пепельницы. И монологи зубного врача Лошадиных звучали теперь не проблемным пафосом, а недовольством провинциального работника прилавка на недозавоз предметов ширпотреба.

Вместо второй части «Слышимости» на столе у Воробеева появлялись и угрожающе росли записные книжки с творческими наметками. Он запасывал, как кашляет над шницелем драматург Дулово, как краснеют вузовки, подавая записки на дискуссиях, как улыбаются старики в трамваях и как собаки смотрят на грузовики. Это была сплошная психологическая зажатость творческого одиночника, но проблемы для второй части не было.

— Пишете? — лстыиво спрашивали репортеры.

— Осваиваю материал, — снисходительно отвечал Казимир Воробеев. — В настоящее время много думаю над проблемой знакомства и многосемейности. Выражаю тип живого человека — пассажира. Задумал отобразить в плане социалистического реализма проблему стареющей женщины, которая любит икру. Заряжусь воздухом периферии и напишу.

V

Разочаровавшись в писательских столовых повышенного типа как в местонахождениях новых проблем, Казимир Воробеев нервно заколесил по периферии, перегруженный носками, сырмом и увядающей славой. Желтый чемодан распухал на каждой новостройке лишей записной книжкой, наполненной меткими и острыми наблюдениями.

Рис. Ю. Ганфа

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ В ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Каждый раз, возвращаясь обратно домой, Казимир Воробеев неизменно делился с репортерами:

— Освоил пафос спичечного производства. Продумал ситуационную тематику. Сейчас меня влечет торф. Во второй части «Слышимости» я предполагаю...

Уже лежала аккуратно нарезанная линованная бумага для второй части. Фиолетовой каплей исходило перо самопишущей ручки. Веяли над табачным дымом строительные проблемы, но землечерпалки насканивали на маховые колеса, лесопильная пила врезывалась в ситуационную машину, а записные книжки мрачно не давали ответа, из чего делаются спички и зачем нужен торф.

И Казимир Воробеев робко вытягивал из зеленой книжечки запись об ударнице, которая пила молоко большими глотками, и торопливо писал для вечерней газеты:

«Она смотрела». Отрывок из второй части «Слышимости». — «Она стояла над необозримостью торфяных болот, и казалось, что у нее в глазах плакали звезды. Почему? Потому что она пила молоко большими глотками...»

Уже печатался тридцать девятый отрывок, а второй части еще не было. И проблема спичечного производства мутно осваивалась по устарелой брошюре 1923 года, пока она не терялась в пучках старых газет, а репортеры записывали:

«В настоящее время Казимир Воробеев осваивает проблему уязвимости как таковой. В плане социалистического реализма. На каждого героя у писателя заведена особая этажерка, куда он складывает свои наблюдения. По вечерам К. Воробеев кушает анисовые яблоки, а утром ходит в валенках в домоуправление. Почти так создавал Бальзак свои поэмы и гротески...»

VI

Первая часть «Слышимости» уже была переделана для немого кино, для колхозных передач по радио, для грампластинок и даже для речевых хоров провинциальных клубов Наркомсвязи. Предполагалось использовать ее и как либретто для оперы, но композитор потребовал переделки зубного врача Лошадиных в работницу иглы, для удобства музыкальной композиции. Воробеев получил аванс и не согласился.

— Лучше уж я сам переделаю отдельные главы в цирковую пантомиму, — сухо сказал он. — Цирк — это искусство для масс. Пусть с арены прозвучит проблематический жест... По ходу текста можно ввести двух лошадей и жонглера. Я не против спецификации.

Пантомима была почти готова, когда на столе неожиданно появилась повестка о начале приема в союз писателей.

Казимир Воробеев быстро заполнил анкету и пошел в Оргкомитет. Анкету приняли и отнесли в комиссию. Секретарь почтительно зачитал ее, начав с имени и отчества и перейдя к перечню литературных трудов.

— Первая часть романа «Слышимость», — конфузливо понизил он голос.

— Так, — уныло сказал один из членов комиссии, — а еще что, дальше?

— Дальше домашний адрес и телефон.

— А больше ничего нет?

— Подпись еще есть. Лиловыми чернилами.

И в комнате наступило конфузливое и недоуменное молчание, как будто бы вошел человек в кальсонах.

АРК. БУХОВ

Рис. А. Топикова

1825 год

ПУШКИН — ВЯЗЕМСКОМУ

Князю П. А. Вяземскому (Михайловское, 15 августа). — Мой милый, поэзия — твой родной язык, слышно по выговору; но кто ж виноват, что ты столь же редко говоришь на нем, как дамы 1807 года на славяно-росском! И нет над тобою как бы некоего Шишкова, или Сергея Глинки, или моей няни Василисы, чтоб на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться в рифмах, извольте жаловаться в стихах. — Благодарю очень за «Водопад». Давай мутить его сейчас же.

«... с гневом Сердитый влаги властелин...» Вла, вла — звуки музыкальные, но можно ли, напр., сказать о молнии: властительница небесного огня? Водопад сам состоит из влаги, как молния сама — огонь. Переменить как-нибудь. Валяй его с каких-нибудь стремнин, вершин и тому под. 2-я строфа — прелесть. Дождь брызжет от сшибки твоих междуособных волн; междуособный значит mutuel, но не заключает в себе идеи брани, спора; должно непременно тут дополнить смысла. 5-я и 6-я строфы — прелестны.

«Но ты, питомец тайной бури!» Не питомец, скорее родитель. И то не хорошо. Не соперник ли? Тайной, о гремещем водопаде говоря, не годится. О буре физической — так же. «Игралище глухой войны» — не совсем точно. «Ты не зеркало» (впрочем это приписка) и пр. Не яснее ли и не живее ли: ты не приемлешь их лазури... etc. Точность требовала бы: не отражаешь. Но твое повторение «ты тут» нужно.

«Под грозным знаменем...» etc. «Хранишь...» etc. Но вся строфа сбивчива. «Зародыш непогоды» о водопаде — темно... «Вечно бьющий огонь» — тройная метафора. Не вычеркнуть ли всю строфу?.. «Ворвавшись» — чудно хорошо. «Как среди пустыни...» etc; не должно тут двойным сравнением развлекать внимание, да и сравнение не точно. «Вихорь и пустыню» уничтожь-ка! Посмотри, что выйдет из этого.

«Как ты, внезапно разгорится». Вот видишь ли? Ты сказал о водопаде огненным метафорически, т.е. блистающий, как огонь, а здесь уж переносишь к жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь, как нельзя хуже, но ты понимаешь меня).

Итак, не лучше ли: «Как ты, пустынно развратится...» etc. А? Или что другое, но разгорится слишком натянуто. Напиши же мне, в чем ты именно согласишься. Твои письма гораздо нужнее для моего ума, чем операция для моего невризма. Они точно оживляют меня, как умный разговор, как музыка Россини, как похотливое кокетство итальянки. Пиши мне. В Пскове это для меня будет благоденствие. Я созвал нежданных гостей — прелесть. Не лучше ли еще неवानных? Нет, cela serait de l'esprit.

(На месте адреса: Князю Вяземскому).

При сем деловая бумага; ради Бога, употреби ее в дело.

А. Пушкин.

— Какой неповоротливый кассир. Я уже две поэмы написал, а он все еще с одним автором рассчитаться не может!..

III

1934 год

САШКА — ПЕТЬКЕ

Дорогой Петька! Пишу тебе, увы, из Михайловского, так как все более или менее приличные дома отдыха уже, гады, расхватили. В Узком — ни одной койки; в Малеевке — ни одной, в Абрамцеве — ни одной.

О Сочи и Гаграх я уже и не говорю. Сам понимаешь! Чуть было не попал в Поленово — обещали отдельную комнатку! — буквально рвал зубами, рыл носом землю, колбасился, как тигр, и все-таки какой-то сукин сын из горкома увел комнату на глазах у всех прямо-таки из-под носа. Так что приходится торчать в Михайловском.

Вот гады! Не могу успокоиться! Но, впрочем, тут не так уж плохо: имею совершенно отдельную комнату, шамовка довольно-таки приличная, можно по благу иметь за обедом два раза сладкое. Компания тоже ни хрена себе, подходящая. Ребята свои. Ты их знаешь. Васька беллетрист из горкома, Володька малоформист из месткома и Жорка очеркист из группкома. Конечно, бильярд, волейбол, вечером немножко шнапса и все прочее. Одним словом, творческая атмосфера вполне подходящая.

Кстати, о творческой атмосфере. У меня к тебе небольшое литературное дельце. У нас тут распространился странный слух, что отменяется сухой паек. Неужели правда? Ради бога, сообщии спешно, что и как, а то ребята сильно беспокоятся. Лично я не верю. Какое же это искусство без сухого пайка! Абсурд! Наверное, обывательская трепатня!

Кроме того, очень прошу тебя, если будешь в центре, не поленись зайти в издательство, к Оськину, в бухгалтерию, и позондируй там почву насчет монеты. Они, понимаешь ты, мне должны по договору, под рыман, две с половиной копейки. Полторы я уже отнял, осталась одна. Но дело в том, что рукопись у меня еще не готова (сам понимаешь!). А дублоны нужны дозарезу. Так вот ты этому самому Оськину там что-нибудь вкрути. Вполне полагаюсь на твою богатую фантазию: скажи, болен или там в творческой командировке, или там что-нибудь в этом роде.

Как тебе понравился последний роман Андришкина? Главное с кем?! С Каткой!! Вот уж номерок!

Последний анекдот знаешь? Идут отец и сын мимо памятника Пушкину. И сын спрашивает: — Папа, это Пушкин?

По-моему, гениально! Впрочем, до тебя уже наверное дошло.

Что ты скажешь насчет последнего письма в редакцию Женьки Манькина? Не правда ли, прелесть? Вот, сволочь, Женька, как здорово насобачилась писать письма в редакцию.

Каков язык! Какова композиция! Каковы ритмические ходы! Какова лексика! Прямо Вольтер, не шутя. Аж зависть берет. Нет, надо и мне что-нибудь такое брякнуть! Только ума не приложу, чтобы такого бабахнуть, не посоветуешь ли?

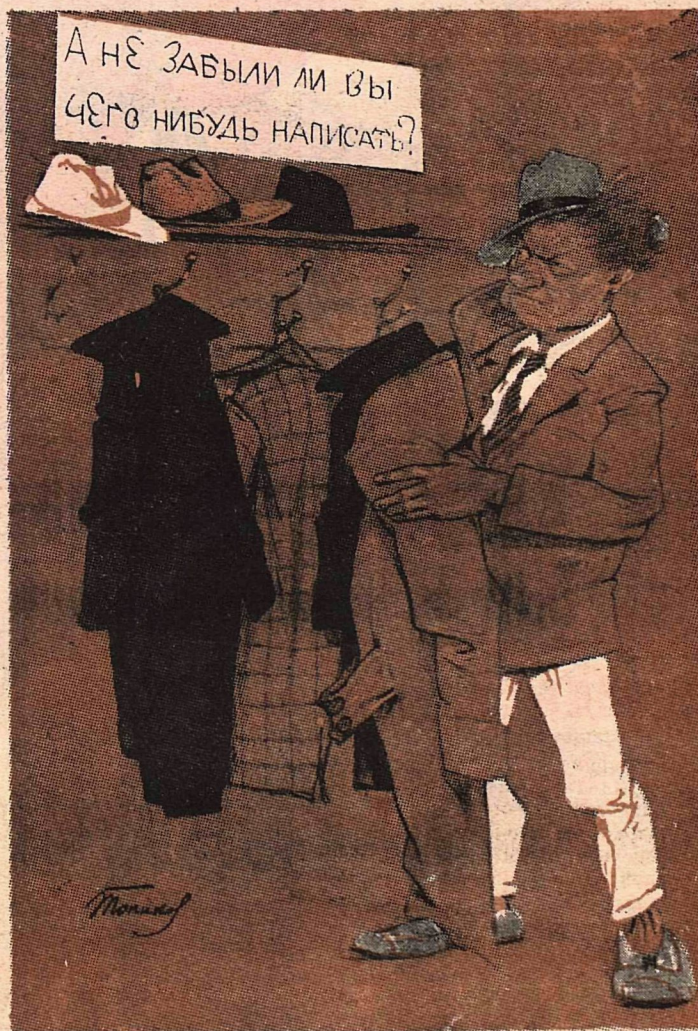
Ну, дружище, будь здоров. Не забудь же про сухой паек и про Оськина!

Крепко жмаю руку! Пока! Бувай! Твой Сашка.

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

ВОПРОС РЕБРОМ

Рис. А. Топикова

После заполнения анкеты в союзе советских писателей.

¹ Редакция журнала «Крокодил» считает крайне полезным время от времени обращаться к переписке известных писателей прошлого и настоящего и сравнивать их в наивиданном по-томству.

ПИСЬМО ОТ ГЕЙНЕ

„Академия“ решила
(Ты прощай, загробный отдых!)
Дать мои произведения
Только в новых переводах!

И сидят над текстом Гейне
(Труд, действительно, чертовский!)
Румер, Лада Руставелли,
Марк Тарловский и Пеньковский.

Тютчев, Фет, Михайлов, Майков!
(Даже слезы стали в горле!)
Вы меня весьма не плохо
На язык свой переперли.

Да! Меня переводили
Вы совсем, совсем не скверно:

Большей частью ваше слово
Было с подлинником верно.

Так зачем же было надо
(Страшно этому поверить!)
Вашу честную работу
Окончательно похерить?!

Мы, усопшие, насилью
Подвергаться разве можем?
Быть не хочет Генрих Гейне
На Тарловского похожим!

Очень счастлив я, что было
Много правильных отводов
На общественном просмотре
Стихотворных переводов!..

Коль взялись за перевод вы,
Это делайте умело.
Улучшайте, поднимайте
Переводческое дело!

Если ж юркий переводчик
Мой язык перегейничит,
Знайте: Гейне недоволен,
Знайте: Гейне горько плачет.

Умоляю: — Ах, отстаньте
От меня хотя б на часик!
Из-за вас, боюсь, я буду
Ликвидирован как классик!

МИХАИЛ ПУСТЫНИН

П Р И У Ч И Л И

Рис. Л. Бродаты

МЕЧТЫ В РАЗРЕЗЕ

Рис. Ю. Ганфа

Ю. Ганфа 34

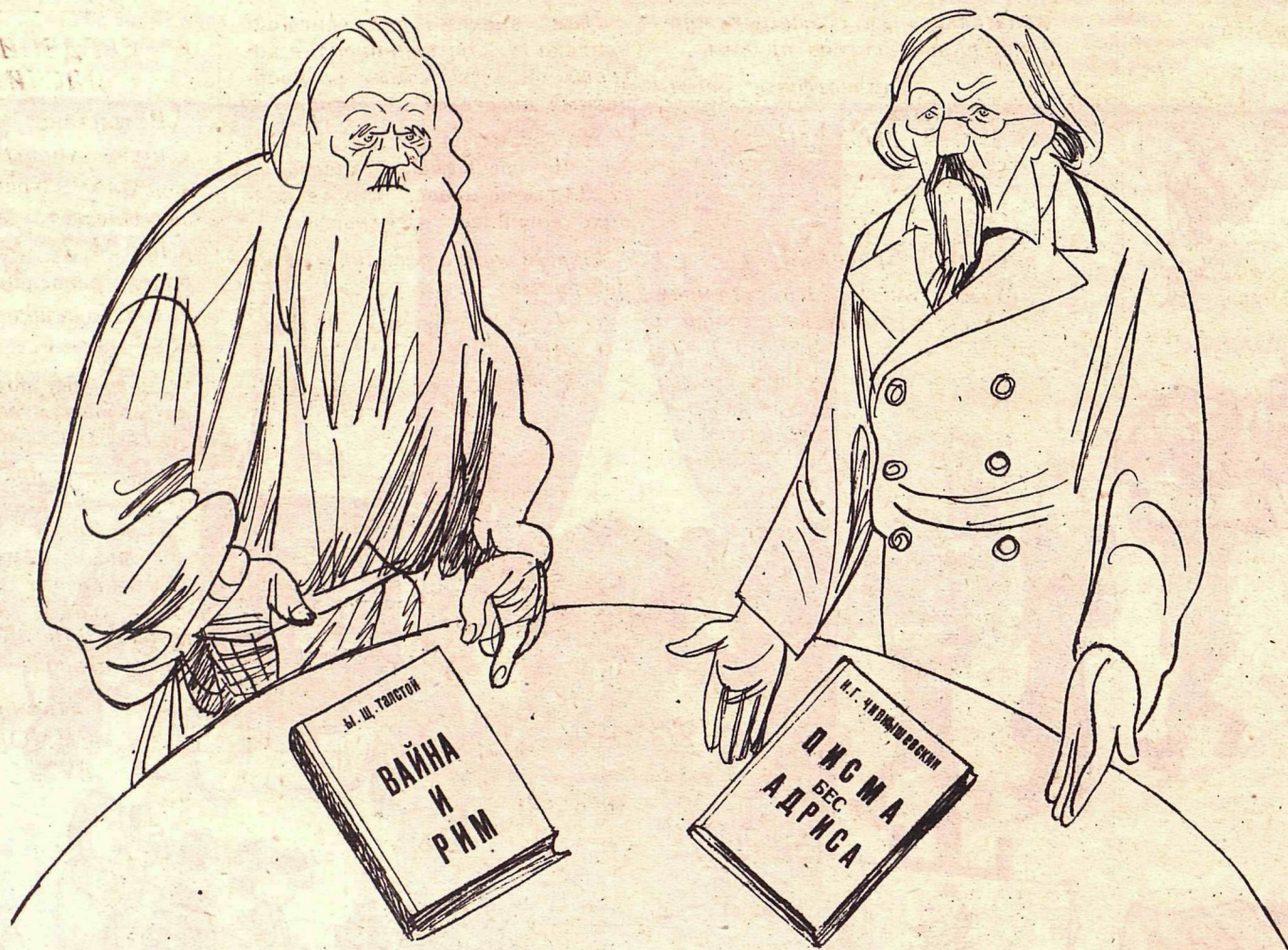
Прекрасна жизнь, согретая славой. Вот перед нами мастер пера Роберт Чайников, соавтор романа „Кильки и опилки“. Вот он, еще не прославленный в веках, играет в покер с тружениками коммунального хозяйства. Но уже приближается его час, час перехода из нормального состояния в классику. И мечтает Роберт Чайников о том, как он будет купаться в лучах популярности и струях творческой зажиточности.

Вот несут ему работники прилавка земные блага. Четыре ящика благ в упаковке. Еще не съедены и не выпиты блага, а уже дробят зубы (смотри ниже) друг другу восхищенные поклонники, отнимая новую чайниковскую повесть. Уже покупают его портреты домашние хозяйки и пригородные вдовы, робкими стопами попирая проспект имени Роберта Чайникова. Новый Кончаловский рисует его радостным и без калсон, как Пушкина. Уцелевший мелкий част-

ник продает чайниковские бюсты стандартного производства для школ второй ступени и читателей-одиночек. Скульптор ваяет его для музея, прислушиваясь к металлическому голосу патефона, разносящего славу Чайникова. Молчат враги и соавторы. Один из них, заявивший, что только первая часть романа „Кильки и опилки“ принадлежит Чайникову, просто арестован на улице как опасный безумец. Интуристы осматривают в Москве только Воробьевы горы и его памятник. Фоторепортеры дырявят объективы его портретами. Витрины заклеены его фамилиями, и ярость масс выливается в стихийном крике: „Да здравствует Роберт Чайников!“

Прекрасна жизнь, согретая славой. И как обидно, что для этого надо писать хорошие книги. Так уж устроена жизнь: всегда что-нибудь помешает.

Рис. Л. Бродаты

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ: — „Что делать?“
ЛЕВ ТОЛСТОЙ: — „Не могу молчать!“

В ПОРЯДКЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Предлагаемые ниже образцы, конечно, не являются вполне точными цитатами из «Литературной энциклопедии», но некоторым образом соответствуют духу этого почтенного справочника, а именно:

- а) Строго выдержанному незнакомству с классической литературой.
 - б) Завидному знанию таинственных писателей, не подаривших человечеству напечатанных опусов.
 - в) Забвению имен, дат и названий, а также:
 - г) Суевливному размещению разнокалиберных писателей, напоминающему рассаживание пассажиров в выходной день в дачном поезде.
- Мы полагаем, что писательская общественность оценит наши труды и передаст нижепомощаемые характеристики и справки в редакцию «Литературной энциклопедии» в качестве образца, как не нужно делать вышеупомянутую энциклопедию в дальнейшем.

АНДРЕЕВ ЛЕОНИД. Род. в 1917 г., умер в 1882 г. Автор романа «Дни нашей жизни» и сборника частушек «Анатэма».

БРОКГАУЗ. Писал под псевдонимом Ефрон. Автор энциклопедического словаря. Умер в 1923 г. Живет в Норвегии.

ВУСЬКИН ЕГОР. Популярный автор неизданных стихов под общим заглавием «Крынки и гранки». Был широко известен до закрытия местной литорганизации «Передуй» в г. Костроме и окрестностях. Родился в 1926 г. В настоящее время служит контролером в кино «Шик», в Елабуге и работает над трилогией из жизни экрана «Сеансы и фаянсы».

А. ДЮМА-ФИС. Писал под псевдонимом Пер. Современник Анат. Франса, хотя умер на пятьдесят лет раньше. Большая часть романов написана на переводном языке. Следует отметить «Собор бывш. парижской богоматери» и «Хулио-Хуренито».

ЕЖ. Ранний псевдоним очеркиста С. И. Гудякина, автора романа «Местком над пропастью», помещенного в стенгазете Банно-прачечного комбината № 2 в г. Ашхабаде в 1921 г. Умер в 1939 г.

ЖЮЛЬ. Соавтор шведского писателя Верна. Создатель детских романов: «Дети капитана Гранта», «Дети Ванюшина», «Отцы и дети» и т. д. Современник Ван-Дейка и Квазимоды. Умер в Испании, в Гамбурге.

ЗАПАРКИН СЕМЕН ИВ. Член кассы взаимопомощи горкома писателей. Печатных трудов не имеет. Родился в 1887 г.

ИВАН ТУРГЕНЕВ. Автор эпохи падения крепостного права и вложения помещичьих капиталов в фабрично-заводскую промышленность. За стихотворение в прозе был выслан в собственное крупное поместье. Остальное время жил в Париже, где впоследствии и родился.

КАЛЛИГУЛА. Римский деятель, который ввел коня в палату общин в древнем Карфагене. Этот случай описан А. М. Пушкиным в бытность его в Бессарабии, в стансах «Что ты ржешь, мой конь ретивый?».

ЛЕПОРЕЛЛО. Герой сервантесовского «Дон-Кихота», где он выведен под именем Санча-Пансо. Умер в 1782 г.

МИХАЙЛОВ и ШЕЛЛЕР (Фридрих). Соавторы популярных в свое

время иллюстрированных романов из жизни. После 1917 г. живут за границей.

НОЖИКОВ-ЗАМЕРЗШИЙ РОБЕРТ АКИМОВИЧ. Критик и лектор. Род. в 1904 г., когда и переведен на марийский язык. Включен в план издательства «Сов. литературы» на 1947 год. См. труд. Игн. Вилкина: «От Белинского до Ножикина».

ОВИДИЙ. Поэт. Больше известен под фамилией Гомера. За последнее время ничего не пишет.

ПУШКИН. Известный поэт пушкинской эпохи. Оказал сильное влияние на творчество А. Жарова, за что и был убит на дуэли А. Дантоном. Из прозаических произведений наиболее популярна «Капитанская дочка» в постановке кинорежиссера Хаалдеева.

РОМАН. Литературное произведение (см. П. Романов).

СИЗОВ-ПЛАВНЫЙ (см. П. Дуплов-Грозный). Род. в 1892 г. в г. Олонцеке (см. С. Триамов-Залетный). Поэт. Автор «Задачника по физкультуре для дефективных детей школьного возраста».

ТОЛСТОЙ ЛЕВ. Писатель-прозаик, Алексей Константинович. В 1908 году ушел из дома, где и написал «Смерть Ивана Годунова» и «Анну Караваяеву». Известен как последователь так назыв. толстовства.

УНЗЕР-ШТЕЙН КАРОЛИНА. Племянница жены В. Гете. Следов в литературе не оставила.

ФЕРКИН С. Автор обзрения «Наши вагоновожатые». На сцене не шло. Известен как популярный раз'ездной исполнитель монологов и мелодий. Умер в 1935 г.

ХРИСТОГЛИО. Греческий прозаик, основатель школы малоформистов на Балканах. По некоторым неопубликованным источникам — автор «Робинзона Карузо». В настоящее время переработан для балетных ансамблей культпропа водников. Жив. Похоронен в Венеции.

АРК. Б

ЗАМУЧЕННЫЙ

У Зазнайкина, поэта,
Вся неделя занята.
Пять концертов! Три банкета!
Заседаний маята!

От газеты две анкеты!
В гости! В горт! В бильярд сыграть!
А поэтому
поэту
Просто некогда писать.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Дорогой Крокодил!

Писатель Борис Пильняк придумал оригинальный способ отмежеваться от своих произведений.

Обычно это делалось просто: небольшое письмо в редакцию — и точка. Написанное и отпечатанное произведение считается недействительным.

Борис Пильняк поступает «по-американски».

Он перепечатывает почти целиком произведение, от которого категорически отмежевывается, и приписывает:

«Так писал я раньше».

После этих слов следуют две три главы, — и новая книга готова.

Объясни нам, дружище: считаешь ли ты допустимым этот «двойной урожай»?

Произведение т. Пильняка печаталось в «Новом мире».

Но даже в старом мире не

допускались на страницах журнала пильняковские приемы...

Библиотечные работники А. ЖУХОВ и Г. МИХЕЛЬСОН.

Смоленск.

Дорогой Крокодил!

Можно ли назвать всеядным человека, который пьет и чай и пиво?

Критик Н. Оружейников («Вечерняя Москва») уверяет, что можно. В его критическом отзыве о поэте Я. Смелякове читаем:

«...в «Прощании», где поэт утверждает:

«Я и чаю и пиву рад» никакая эмоциональность не может оправдать того, что рефреном является тот же все, что ни попадает на глаза. «Я и чаю, и пиву рад» звучит почти символически. В поэте возникает всеядность».

Нам знаком ряд писаний критика Н. Оружейникова, в которых он «ест» самых разнообразных писателей и поэтов.

Но, несмотря на это, мы все же не решаемся сказать о Н. Оружейникове, что «в критике возникает всеядность».

Ответ нам: правильно ли мы поступаем?

Студенты МГУ
ВИТАЛИЙ ТРУСОВ,
КАЗИМИР РКЛИЦКИЙ.

Дорогой Крокодил!

Советский читатель уже привык к тому, что январские номера журнала выходят в апреле. Но «Красная новь» побил рекорд. Сначала вышла третья книга журнала, а спустя месяц — вторая.

Вот какое объявление прилагалось к третьей книге «Красной новь»:

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Вследствие перехода в другую типографию № 3 журнала «Красная новь» рассылается подписчикам ранее № 2. № 2 журнала будет разослан подписчикам в ближайшее время.

Однако мы, подписчики журнала «Красная новь», от этого не проиграли.

Некоторые произведения, печатающиеся на страницах этого журнала с продолжением, показались нам значительно лучше и крепче сконструированными, когда мы прочитали третью книгу «Красной новь» раньше второй.

Инженеры П. МАКСИМОВ и М. АВЕРБУХ.

Киев.

ДЕНЬ ЛИРИКА

Беру кусок жизни простой и грубой и творю из нее кусок сладостной легенды, ибо я — поэт! Ф. Сологуб (с точностью до 0,01).

Творческий день поэта Семена Шершавого начался несколько причудливым образом.

В 11 часов 15 минут поэт сел завтракать, приглашенный к этому женой. Налив себе и мужу кофе, она спросила:

— Что ты делал вчера вечером?

— Я? — сказал поэт, надкусывая кусок булки. — Я вчера был в кино.

— С кем?

— А с этой... С Татьяной Сергеевной. Понимаешь, в вестибюле мы случайно встре...

Оставшихся слогов (очевидно «...тились») поэту договорить так и не пришлось: жена шумно опустила чайник и с завидной опытностью начала сцену ревности.

— Опять? Опять? — кричала она. — Опять эта девчонка? И главное, еще врешь: случайно встретилась! Я не позволю себя обманывать! Довольно! Я вам не какая-нибудь! Вы мне не кто-нибудь!!!

— Зиночка, — умиротворяюще начал поэт. — Деточка!

— Не смей меня называть деточкой!!!

Через полчаса, бросив в лицо супруга популярные предметы домашнего обихода и цикла оскорблений, жена Семена Шершавого хлопнула дверью и ушла к соседям.

Тут-то поэт и ощутил первый приступ творческой лихорадки. Ему захотелось отобразить в звучных строках имевшую место лирическую сцену. Товарищу Шершавый переключился на стихи. Ритм будущего произведения возник в голове поэта, и мед души его уже закапал.

— Та-та, та-та, та-та,
та-та...

Та-та, ра-та, ра-та-та-та...
И свое та-тат-та тело...
Та-та, та-та...

Еще немного, и Семен Шершавый записывал на бумагу красивыми печатными буквами:

«Грустно Зина поглядела
На меня и на вокруг»...

В действительности, как мы знаем, со стороны Зины имели место действия более активные, чем

взгляд, но, как говорится, в горниле души поэта факты претворились так:

«Грустно Зина поглядела
На меня и на вокруг,
И свое тугое тело
Понесла к соседям вдруг...
Ах, страна моя! С подружкой
Научи меня ты жить!
Выгнав ревность, туго-туго
Нас друг с другом ты свяжи!»

Окончив священную жертву Апполону, Семен Шершавый вновь вернулся к заботам суетного света. По опыту он знал, что события, подобные сегодняшним, не затухают так скоро. Потому-то поэт, не рассчитывая на семейный обед, поплелся в столовую Дома Герцена.

Мы сообщаем об этом потому, что именно обед в Доме Герцена вызвал у Шершавого второй припадок творчества. А именно: через два часа после принятия пищи поэт ощутил в животе неприятные схватки. Живот глухо урчал, как овчарка, смиренная приказом хозяина, но разозленная.

Поэт потыкал себе в живот четырьмя пальцами левой руки. Потребованный живот вздулся и был тверже, чем обычно.

— Черти-что! — пробормотал Шершавый. — На чем они там готовят, в этом доме Герцена? На машинном масле или на нефтяных остатках?.. Ишь, как урчит...

Тут-то и подоспело вдохновение. Покричав «та-та, та-та-та», Шершавый начал находку записывать шедевр. С обычными поправками против низменной действительности стихи звучали так:

«Недуг злой меня измучил,
Хоть на целый мир кричи.
Он тугое сердце пучит,
Мое сердце все бурчит!»

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Писатель Толстяков и критик Двиньчулак Ругали, как могли, прочтенную поэму:

— Он типы исказил! Он взял неверно тему! В заводе всё не то! В колхозе всё не так! Неправильный язык! Неточные детали! У автора заснок! Распни его, распни!

Но выяснилось вдруг,
что сами-то они

В колхозах и цехах ни разу не бывали.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Эх, страна моя! И сердце
Я готов тебе отдать.
Но зачем страданья перцем
Сердце туго посыпать?!

В третий раз вдохновение пришло вечером. Ему предшествовала небольшая стычка с соседями по квартире. Соседи заявляли какие-то особенные свои права на уборную. Поэт эти права оспаривал. Соседи грозились повесить на уборную замок. И повесили. А поэт грозился замок сорвать. И сорвал.

Сорвал и, еще взволнованный борьбой, стал писать бодрые строки.

«Враг тугой в себе уверен,
Враг коварен и жесток.
В счастье для меня он двери
Запер туго на замок.
Ух, страна моя! Я вышел
На заказанный мне путь.
Я врага с позором вышиб,
Я сумею отдохнуть!»

И это стихотворение было переписано красивыми буквами и помечено датой сочинения.

Затем наступили опять заботы суетного света. Заботы владычествовали до самого отхода ко сну, они царили и тогда, когда Семен Шершавый уже лежал под одеялом.

Но совсем засыпая, поэт почувствовал укол где-то в районе ляжки и бедра. Поэт протянул руку, по руке побежало что-то теплое. Поэт откинул одеяло.

По простыне бодрой рысцой бежал клоп. Почувствовав преследование, он ускорила аллюр. Свернул вбок. Притворилсядохлым. Но ничто клопу не помогло: он был настигнут и погиб под туфлей поэта, оросив пол кровью поэта же.

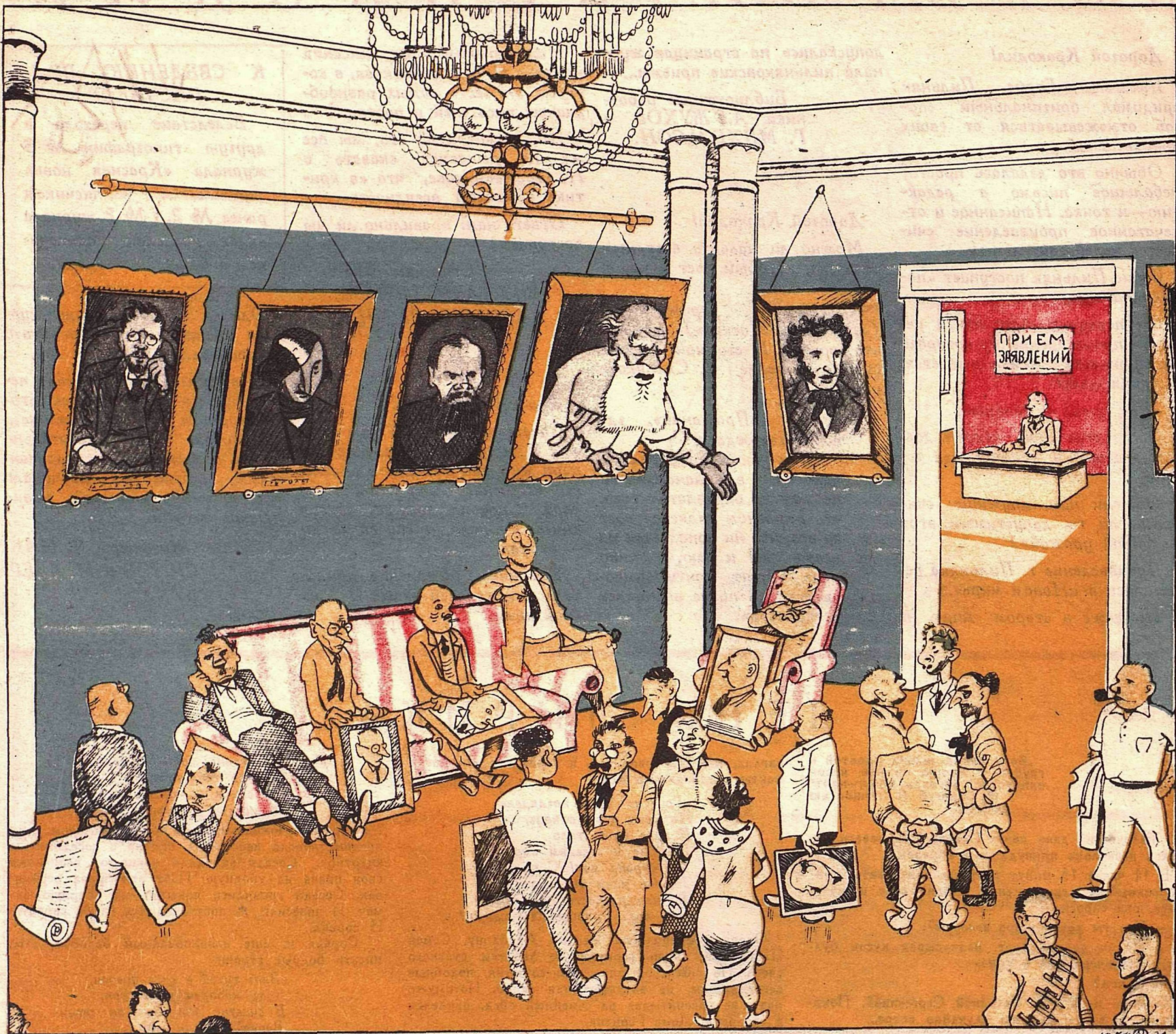
И вот мысль о том, что именно ему, Шершавому, принадлежит брызнувшая на пол кровь, в последний раз в этот день вдохновила поэта. С обычной для него романтической приподнятостью Шершавый «переключил» тему в высокий план:

— Та-та, та-та-та-та, та-та...
«Эх, страна! Для кровопийцы
Нет места на тебе!
Против них свой мощный бицепс
Двину в яростной борьбе...»

Вдохновение вступило затем в борьбу со сном и, победив сном, рассочилось.

Поэт спал, набираясь сил для завтрашней лирической деятельности.

ИВАН ДИТЯ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ: — Братья-писатели! Не рано ли вы здесь? Прием заявлений в соседней комнате.

ВИНОВАТ ШОПЕН

Бойтесь Каменштейна! Лично я не хотел бы повстречаться с ним. Речь идет не о темном переулке. В темном переулке или в лесной чаще Каменштейн не страшен. Но избегайте встречаться с ним в издательстве. Там он опасен.

Не знаем, где теперь цветет и благоухает Каменштейн. Но в те дни, к которым относится данная история, он украшал собой одно из редакторских кресел в Харькове — в Украиниздате.

Поэтесса Мирра Хенкина сдала в издательство книгу стихов «Декады». Книга получила прекрасные отзывы людей знающих и в украинских литературных кругах авторитетных.

Каменштейн, однако, решил воспользоваться своим правом. Он зачеркнул 32 стихотворения. «Идеологически не подходит». Человек проявляет бдительность, — ничего возразить нельзя.

Но через несколько дней грозный судья сменил гнев на милость. Он тем же карандашом восстанавливает в правах 22 стихотворения.

Неисправимыми окончательно оказались только десять стихотворений. Стихотворение о кургане времен Пугачева. Мимо кургана идет молодой крестьянин и с воодушевлением поет о героической борьбе против помещиков и богатеев... Резолюция Каменштейна: из'ять! Потому что не сказано, кто он, поющий крестьянин: бедняк, середняк или кулак.

Стихи рисуют развал армии Керенского. Солдаты, устав от бессмысленной войны, бегут с фронта... Не нравится Каменштейну. Солдаты бегут домой, к жене и детям. Не изобличает ли сие их кулацкую природу?

Но самое тяжелое обвинение предъявлено стихам, описывающим похороны советского работника. Оркестр исполняет марш Шопена. Возмущенный до глубины души, Каменштейн потребовал из'ять и эти стихи: на пролетарских похоронах Шопена играть не должно!..

Хенкина написала письмо в культпроп ЦК КП(б)У.

Вскоре после этого Украиниздат осиротел: Каменштейн ушел из издательства, и звезда его погасла на литературном горизонте Харькова.

Но в издательстве блещут другие звезды. Звезды, повидимому, обиделись за поправную честь своего соратника и ведут его линию.

Книга стихов Хенкиной долгие месяцы лежит и не сдается в печать. Точно на службу, поэтесса ходит в издательство и просиживает в приемных по шесть-семь часов, иногда без перерыва на обед.

Наконец, книга сдана в печать. Получен пробный экземпляр. Горе счастливого автора не поддается описанию. Исковеркан весь смысл стихов. Почти в каждой строчке несколько опечаток.

По требованию литературной общественности создается комиссия для расследования этого факта. Комиссия считает: «Книгу надо немедленно перепечатать и привлечь к суду тех, которые вредит'ски издали ее».

Директор издательства Радлов издает приказ: книгу немедленно переиздать. Проходит два месяца, — книга не издается. Газета «Дер Штерн», орган ЦК КП(б)У, выступает по этому поводу с резкой статьей.

И «немедленно» — ровно через год! — Хенкину извещают: «Будем печатать через месяц».

Через месяц. «Будем печатать через шесть месяцев».

Через шесть месяцев. Приказ директора Радлова: «Предлагаю печатать книгу тов. Хенкиной».

Через три месяца. Радлов заявляет Хенкиной: «Нет никаких препятствий к печатанию вашей книги. Обождите еще месяц».

Через месяц. «Книга ваша печататься не будет».

Вот что наделал Шопен... В заключение надо прибавить: эти издательства над поэтессой Хенкиной тянут ТРИ ГОДА!

Допустим, что это не поэтесса Мирра Хенкина, а учительница Зоя Карпова или зоотехник Семен Егоров. Каменштейны и Радловы (и такие же люди под другими фамилиями) еще попадают у нас в некоторых учреждениях и считают, что кто-то им дал право глумиться над живым человеком.

Г. РЫКЛИН

А возле Перу летали по прерии птички такие — колибри. Судья поймал и пух и перья бедной колибри выбрил.

МАЯКОВСКИЙ.

Молодой, подающий надежды теакритик обмакнул перо. Он собирался писать статью для газеты «Советское искусство» о последней премьере одного из больших московских театров.

К сожалению, в этот момент ему подали последний, 4-й номер журнала «Театр и драматургия».

Юноша любил этот многокрасочный монументальный журнал.

Почтительно перелистывая широкие страницы журнала, он остановился на статье, помещенной на 53-й и 54-й страницах, как вкопанный. Прямо на него глядели суровые, будто высеченные в мраморе строки.

«Критик — не вольная птичка, распеваящая все, что ей угодно, а вполне ответственное лицо, представляющее интересы государства, а следовательно, и интересы критикуемого театра».

«Критик отвечает у нас за спектакль совершенно так же, как режиссер и актер».

«Может ли критик похвалить не понравившийся ему спектакль? — Может! Эмоция очень часто обманывает».

«Критиковать нужно не из журналистского закута, а с государственной и политической вышки».

Молодой теакритик опустил перо. Он еще раз прочел статью с начала до конца. Лег на диван и долго думал.

Потом он вскочил и вспомнил о своей статье. Но при чем тут его статья, его мысли, его эмоции! «Все это очень часто обманывает». Нужна вышка!

Юноша бросился к телефону. Он обзвонил всех государственных деятелей, с которыми он когда-либо встречался, беседовал или только раскланивался. Он звонил в Наркомснаб, в Наркомсвязь, в ГУКФ, в Метрострой и даже в Главное управление гострудсберкасс. Он настойчиво допрашивал государственных мужей, какого они мнения о последней театральной премьере.

Результаты были не утешительные. Одни были заняты и просили позвонить попозже, другие не успели еще побывать на премьере, третьи неопределенно мычали что-то вроде — «Да как будто ничего, смотреть можно». А четвертые откровенно недоумевали, чего это ему вздумалось среди белого рабочего дня приставать к ним с подобным вопросом.

А время шло. «Советское искусство» ждало статьи.

Несчастный юноша схватил номер многокрасочного журнала и бросился в редакцию. Там его встретили радостно.

— А!.. Молодой, подающий надежды!.. Были на премьере? Ну как, хорошо, плохо? Понравилось?

— Не знаю, — ответила юноша, сдерживая волнение.

— То-есть чего вы не знаете? — спросил огорченный секретарь.

— Не знаю, хорошо или плохо. Не знаю, понравилось или нет. Ничего не знаю! И статью писать тоже не знаю как! — кричал взволнованный юноша, размахивая «Театром и драматургией».

— Я вам не вольная птичка, распеваящая все, что ей угодно! Я вполне ответственное лицо, представляющее интересы государства! Я отвечаю за спектакль совершенно так же, как режиссер и актер! Эмоции обманывают! Я не хочу критиковать из журналистского закута! Я хочу критиковать с государственной вышки! Так-то, дорогой товарищ!

И протянул секретарю 4-й номер журнала «Театр и драматургия».

Секретарь внимательно прочел статью. Взглянул на фамилию автора. И молча отложил журнал в сторону.

— Не вижу оснований нервничать.

— Нужна вышка, — упавшим голосом произнес юноша. — А где ее взять?

— Пройдите в кабинет, — спокойно сказал секретарь. — Он там.

— Кто он? — спросил юноша, испуганно косясь на дверь редакторского кабинета.

— Он. Автор статьи и наш зам. ответственного редактора.

Автор «Потонувшего колокола», «Ткачей» и др. произведений Гергарт Гауптман примкнул к фашистам.

Рис. Л. Генча

ПОТОНУВШИЙ ГАУПТМАН

Счастливым юноша бросился к заветной двери. И вдруг замер.

— А он был на премьере?

— Не беспокойтесь, — сказал секретарь.

Молодой, подающий надежды теакритик пробыл в редакторском кабинете минут двадцать. Он вышел оттуда успокоенный, торжественный.

Легкий холодок государственности оведал его чело.

Еле кивнув секретарю, он прошел прямо к машинисткам.

Он напоминал Моисея, спускающегося с горы Синай.

Через час статья была готова и сдана в набор.
О. М. БРИК

ВСЕ НА БОРЬБУ С БЮРОКРАТИЗМОМ!

Недавно, читая книжку Д. Стонова «Весна», наткнулись мы на следующую строку:

„Мальчик посмотрел на **входящую часть** широко раскрытыми глазами“.

Потом в одном журнале мы прочитали про каплю дождя, которая «**включилась** в голубой поток».

Прочитали и подумали: бюрократизм и канцелярищина есть не только великое зло в общем и

целом, но в частности и в языке художественной литературы. Не успели мы, однако, как следует продумать этот вопрос, как в другом журнале прочитали:

„Анна Адольфовна широко раскрыла **черные глаза, копию которых она передала дочери...**“

Канцеляристы любят добавлять в конце: «ссылайтесь на наш номер и дату». Пожалуйста. Можем сослаться: «Звезда» № 3 1934 г., стр. 21. Подписано П. Далекций.

В ЕДИНЕНИИ СИЛА

В представлении молодого писателя ответственный редактор издательства — страшная, всемогущая фигура. Вот автор приносит в издательство рукопись, вот редактор берет красный самопишущий карандаш, делает нелицеприятное лицо и начинает украшать рукопись вопросительными знаками и пометками: «Бред!», «Кто кому дядя?», «В чем дело?», «При чем тут Каутский?», «Выправить эпитеты» и т. д. Или вовсе напишет наискосок: «Отклонить».

В действительности, однако, все это выглядит не так страшно. Всегда можно найти выход из положения. Можно, например, сделать так: вы отредактируете книжку, которую напишет редактор, а этот самый редактор в свою очередь отредактирует книжку, написанную вами. Просто и мило.

По такому рецепту в издательстве «Советская литература» вышли недавно две книги:

Корнелий Зелинский

„КРИТИЧЕСКИЕ ПИСЬМА“

Отв. редактор

А. Селивановский

А. Селивановский

„ПОЭТЫ И ПОЭЗИЯ“

Отв. редактор

Н. Зелинский

**ПОСЛЕДНИЕ
ИЗВЕСТИЯ**

Вчера в редакцию поступили требующие проверки сведения о том, что в ряде областей и краев Советского Союза существуют местные органы Оркомитеты Союза советских писателей. Редакция еще вернется к этому вопросу.

Колоратурная Газета

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Редакция еще вернется к этому крайне наболевшему вопросу

№ 1 (2)

23 ИЮНЯ 1934 г.

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ПЕНЬ-КОЛОДУ

**ПОСЛЕДНЕЕ
ФОТО**

Когда номер был уже совсем готов, выяснилось внезапно, что в редакции нет ни одного фото, кроме того, что помещено выше. Что оно изображает, редакции в точности неизвестно, но редакция еще вернется к этому вопросу.

Дневник

Колоратурной газеты

23 ИЮНЯ Какова должна быть советская литература? На этот вопрос может быть только один ответ: советская литература должна быть хорошей. Говоря конкретно, это значит, что идеи наших романов, повестей, рассказов и очерков мыслятся нами как хорошие.

Только поставив вопрос так, мы можем регулировать требования, которые мы предъявляем к композиции советского литературного произведения. Композиция обязана быть хорошей. При этом важно еще отметить, что стиль и язык нашей литературы повинны быть хорошими.

Что же касается до людей, которых описывает наша литература, то описания эти имеют смысл лишь в том случае, когда они хорошие. Примерно то же мы имеем в отношении пейзажей и рассуждений. Нужно ли доказывать, что они обязаны быть хорошими?

Только следуя нашим тезисам, советская литература займет подобающее положение.

Впрочем, редакция еще неоднократно вернется к раз'яснению того, что как ро-

маны, так и повести, поэмы, пьесы и даже передовые должны быть хорошими.

Завоз колесной мази в торговые точки низовой сельской кооперации на сегодняшний день отстает против плана. Поэтому мы склонны бить тревогу. Смехотворная цифра 7.09(8) (семь целых, девять сотых и 8 в периоде) против намеченных 8,3753 — это ли не провал широкой колесной мазизации страны? Особенно угрожающим представляется положение, если мы вспомним, что на этом тревожном фоне блестяще отсутствует хоть одно произведение нашей литературы, стображающее вопросы колесной мази.

Несмотря на всю серьезность момента, нам хочется испустить ироническое «ха-ха» в ответ на те нелепые доводы, какими ныне наши «гении» в кавычках прикрывают свою недооценку колесномазистых вопросов.

Мы ждем откликов. И колесная мазь, волнуясь, ждет вместе с нами.

Редакция еще вернется к этому вопросу, считая, что он на сегодняшний день представляется крайне актуальным.

ДУРАК ТОТ ЗРИТЕЛЬ...

17 числа в «Доме кормилицы» Бауман. р. состоялся диспут, организованный Бюро Вивисекции малых форм.

Председ. товарищ Жижин в своем слове заострил перед присутствующими насущный вопрос наших дней: нужна ли нам эстрада или лучше прекратить безобразию же минутой?

Ряд выступающих ораторов (2 человека) и аудитория откликнулись на этот вопрос так живо, что по требованию милиции диспут был прекращен.

Однако тов. Харпимюк (бюро АБВГ при ДЕЖЗИК) успел сказать, что нет, почему? Лично он всегда ходит

в ту пивную, в которой бывают выступления.

Товарищ Ерундау (массовик — затейник КЛМНО при ПРСТ) отметил, что на сегодняшний день эстрада не понятна массовому зрителю и что дурак будет тот зритель, который ее поймет.

Затем как иллюстрация имели место выступления эстрадных артистов (музыкальный дуэт Хлясь и Хрясь, Онегин и Печорин, Мусечка и Спиридон Блевоцкие и др.). Горячий прием со стороны аудитории был предотвращен силами милиции.

Редакция еще вернется к этому вопросу, считая, что вопрос крайне актуален.

КЛОД БУЗЕЛИК

СТИХИ

Перевод со швейцарского языка

От редакции. Теперь, когда швейцарские империалисты особенно бурно проявляют свою деятельность, выбросив лозунг о том, что «будущее Швейцарии — на воде», нам особенно интересно присмотреться к швейцарским настроениям. Околоружуазный поэт Клод Бузелик стихи которого мы здесь приводим, принадлежит к тем кругам

швейцарского общества, которые с недавних пор почесывают затылок и пожимают плечами. Он уже понял, но еще не понимает. Впрочем, к этому вопросу редакция еще вернется, а пока даем слово самому поэту, переводчик которого с необычайной чуткостью сохранил настроения, четкий ритм и острые рифмы подлинника.

У ГРАНЕНОЙ ГРАНИ

— Ну, в общем, в этом стихотворении Говорится, что вот, мол, автор как-то Тут на-днях вышел прогуляться. А дело было вечером, что ли. Значит, вышел он на главную улицу, Видит: богато так все вокруг. Автомобили и потом эти, как Магазины. Да! Очень шикарные. Он и зайти в один магазин. В ювелирный, кажется. Зашел и попросил: мол, покажите Мне одну штучку?

Ну, показывают, — Почему? — Столько-то. — Нет, дорого. Ну, пока. — И пошел. Пошел, значит, к окраине. Смотрит: все скромней, Скромней улицы-то, чем ближе К окраине? Но на самой Окраине, небось, ювелирных магазинов И нет совсем. Что за прятча? То-то и оно! Перевел со швейцарского Мариан Лисицин-Рейнеке.

¹ Непереводаемая игра слов.
² Примеч. переводчика
³ " " " "

ПИСАТЕЛИ В КОЛХОЗАХ

Редакцией получена телеграмма следующего содержания от писателей, обывших в глубь нашей обширной страны. «7. V. 34. Борт самолета 1½ (Фита полтора). Пролетая 5 областями и нацреспубликами зпт восторгом впитываем себя мельчайшие детали великого трудового процесса зпт помощи которого единоличники зпт колхозники зпт работники МТС выкорчевывают нашей страны все старое зпт гнилое тчк вчера высоты тысячи двухсот метров видели колхозники гигантскими шагами шли зажиточной жизни тчк Молнируйте четыре-ста.

Иван Сеялка, Степан Ухнем, Севрюгин, Распутнис».

КРЕПИТЕ СВЯЗЬ!

На-днях из Москвы выезжает творческий взвод писателей для ознакомления с культурной жизнью братских господвалов Армении. Материалы поездки будут напечатаны в специальном альманахе, договор на который уже заключен. Во взвод вошли писатели Иван Пустельга, С. Барабанская, Циклопенко, Анисим Интеллигентных и др.

Писатель Мармурштейн, включенный было в состав взвода, от поездки отказался как непьющий.

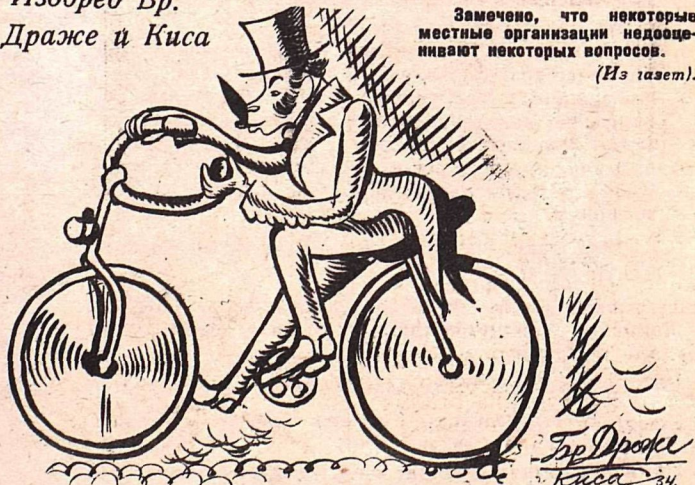
ВЕЧЕР ПОЭТА

В большом вестибюле Сан-дуновских бань 17-го числа состоялся вечер поэта Вячеслава Гримассе. Вечер прошел на редкость удачно: поэту и докладчику удалось скрыться до начала высказываний зрителей. Председательствовавший отдался легкими ушибами. Послезавтра состоится повторение вечера.

ДАВНО БЫ ТАК

Изобред Бр. Драже и Киса

Замечено, что некоторые местные организации недооценивают некоторых вопросов. (Из газет).

ЛУЧШЕ ЕХАТЬ ВПЕРЕД НА ВЕЛОСИПЕДЕ, ЧЕМ ИТТИ НАЗАД ПЕШКОМ.

Редакция, вероятно, еще вернется к своевременно поднятому нашими художниками вопросу.

„ШВЫРОК“ В ПЕРПЕНДИКУЛЯРНОМ ТЕАТРЕ (Новая постановка)

Надо сказать прямо, что автор пьесы не льет воду на нашу мельницу. Концепция пьесы такова, что скорее она льет воду на мельницу, нам чуждую и враждебную.

И вот тут-то должен был вмешаться режиссер, который обязан был всю массу авторской воды повернуть на нашу мельницу. Сделал ли это постановщик? Нет, он этого не сделал. Спектакль в целом, как и пьеса, попрежнему льет воду на мельницу наших врагов.

А художник спектакля? Мог ли он пролить воду на нашу мельницу? Мог. Немного, но мог. А пролил ли он? Нет.

Исполнители. Вот артист. Пополамский. Сперва кажется, что уж он-то льет воду на нашу мельницу. А присмотришься, — не льет. И даже больше: льет против нас.

Артистка Облыжная. Она льет. Но мало льет. Могла бы больше.

Остальные исполнители на наш взгляд топчутся на месте: и на нашу мельницу ливанут, и не на нашу. Некоторые же льют мимо: и не туда и не сюда.

В итоге спектакль не льет. А. Дюма (гость).

Редакция еще вернется к этому, считая актуальным.

ВОТ ЭТО ДА!

«Сережа поднял глаза и долго смотрел ввысь...»

Так заканчивается роман молодого писателя Мокина «Кесарево сечение». И вместе с героем Мокина читателю хочется поднять глаза и долго смотреть в овеянную дымом новостроек, жужжащую нашими самолетами высь.

Но не легка дорога Сережи к этому взгляду ввысь. Сережа — сын фабриканта (у отца его было большое ирисно-

халвичное заведение) — по капле выдавливал из себя сукровицу и юшку старого мира. И выдавил. И теперь помогает выдавливать другим.

Выводы? Роман писателя Мокина — ценный вклад в нашу литературу под рубрикой: показ живого человека. П. Зюд

Редакция еще вернется, считая актуальным.

КОНЕЧНО НЕТ!

«Вася поднял глаза и долго смотрел ввысь» (!?)...

Так заканчивается роман некоего неизвестного доселе литератора Рокина «Трепанация черепа». Позволиительно спросить: что это за высь (!?! ?!), в которую вперил свои очи герой гражданина Рокина? Наша ли это высь, высь философски осмысленного, поднятого на принципиальную высоту мировоззрения, или это заоблачная высь идеализма? В романе это не ясно.

И это не случайно. Вася — классово чуждый нам человек (у его отца было крупное мотально-крутильное предприятие). И вряд ли на 17-м году революции нам интересно наблюдать жизнь юного приспособленца.

Итог? Еще один случай литературного брака. Скорей, скорей опускайте этот роман в чан для макулатуры.

Н. Вест.

Редакция вернется.

Многие читатели спрашивают нас о социалистическом реализме. Например, тов. Присядко из Крыжополя пишет:

«Что такое социалистический реализм? Как понимать это выражение и где найти ему объяснение?»

Конечно мы могли бы пойти по линии наименьшего сопротивления и что-нибудь ответить тов. Присядко и другим на их вопросы. Но это было бы упрощением, ставкой на самотек. Мы считаем наиболее целесообразным, если сами читатели разберутся в этом вопросе, не прибегая к помощи со стороны. Точка.

Конечно мы еще неоднократно будем возвращаться к этому вопросу.

Массы читателей проявляют бурный интерес к литературам братских республик. Нас запрашивают о творчестве писателей Закавказья, о поэтах Средней Азии и т. д.

Всех таких товарищей мы отсылаем к №№ 21—24 нашей газеты, в которых мы полностью отразили нацлитературу.

Теперь же после того, как кампания прошла, мы не считаем возможным возвращаться к вопросу и поэтому просим нас не тревожить по поводу национальных литератур до 1937 года, на какой год намечено повторение кампании.

Редакция не вернется к этому актуальному вопросу раньше 1937 г.

Ред. вер.

ЧТО ЧИТАТЬ НА НОЧЬ?

«Клубничка эпохи возрождения», издательство «Прогимназия», Москва, 1934 г. стр. 228. Оформлена и издана книжка удовлетворительно за исключением задней обложки, которая пугает мало-квалифицированного читателя обозначенной на ней ценою.

18-го с/м. состоится творческий вечер поэта С. Малерийного. С чтением стихов выступят автор и дрессированные тюлени.

С 7-го с/м. писатель Сугубов читает свою эпопею «Ромашки и канашки». Наблюдающие за беллетристом врачи говорят, что, несмотря на вторую неделю непрерывного чтения, состояние здоровья т. Сугубова хорошее. Слушатели, несмотря на введенную трехсменную работу, чувствуют себя значительно хуже.

КТО НАД ЧЕМ РАБОТАЕТ

19 сего месяца из длительной творческой командировки возвратился писатель Рисаков. На Киево-Воронежском вокзале тов. Рисакова встречали тт. Капысов, Едвайный, Пуляу и представители литературных организаций и издательств. Приняв рапорт почетного караула из официантов Дома Герцена, тов. Рисаков в короткой речи отметил свое удовольствие по поводу возвращения в Москву. Тов. Рисаков сказал, что в ближайшем очерке он отдал благодарность всем присутствующим. Затем тов. Рисаков проследовал домой и уже приступил к разворачиванию большого полотна.

Писателю С. Чиликину, кажется, пришло в голову написать роман из жизни уругвайских новобранцев.

Критик Протас Низкий начал согласовывать вопрос об обручении им романиста Консомейчика.

Поэт У. Зачепиский пишет текст для симфонии композитора Плешина «Холерный бунт».

Ш. Клоакер переделывает для радиовещания картину Левитана «Над вечным покоем».

С. Липач занят обработкой издательства «Ать-два» в целях переиздания его очерков.

Вчера драматург П. Скабрешный произвел крупный отъем аванса в театре им. Еврипида и Файко.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Позвольте через вашу газету принести мою благодарность множеству разных лиц и учреждений, поздравивших меня с благополучным окончанием десятой переделки моей повести «Повидло» (1) повесть, 2) новеллы из нее, 3) очерки из нее же, 4) пьеса, 5) сценарий, 6) балет, 7) радиоратория, 8) граммофонная пластинка, 9) скетч, 10) массовое действие).

С тов. прив. Н. Кулдыжарев.

В № 37 вашей газеты напечатана непристойная рецензия некоего гражданина Есидорова о повести писателя Ефтича. Для исчерпывающей характеристики наглого стиля грубого заезжателя-

ва со стороны разнузданного рецензента достаточно привести циничный абзац этой безобразной рецензии, где этот некий гражданин Есидоров с босяцкой развязностью утверждает такую подлую мысль:

«Нам кажется, что писателю Ефтичу не совсем полно удалось отобразить...»

Нужно ли комментировать подобные мерзкие насюки на писателя со стороны некоего паршивого рецензента? Думаем, что общественность даст достойный отпор этой свиняче-собачьей вылазке.

К. Вырвич, Нововер, Штопаных, Иван Борода, Иван Борода, Ч. Переколбасов, Р. вер..

Аскольд Спрут

ЛАЗОРОВАЯ ПРОСТЫНЯ

Трагедия. Отрывок из фрагмента

((Первый вариант черновика). Страничка 18—23)

ЛАРИСА: — Ой!.. (Занавес тихо сдвигается).

Явление XVII

Там же. Те же. Попрежнему все вокруг угрюмо, как угрюм был, говорят, перво-бытный хаос, неласковый а) к людям и б) к животным. Холодно. Темно. Почти ничего не видно. И все те же люди. Они в тех же застывших позах ожидают того же. И хотя со времени предыдущего явления прошло худобно три дня, все осталось такими же.

Лариса: (раздумчиво) — Куда ушел Девятисоков?

Ванечка: (отравляюще) — Девятисоков у Анастаси.

Комиссар: (восналенно) — А Петрович где?

Лариса: (охватывающе) — Петрович в штабе.

Ванечка: (спотыкаясь) — Что, Евстигней уже приехал?

Комиссар: (переключаясь) — Евстигней у Белонога. Приезжает завтра.

Лариса: (чутко) — Который час?

Ванечка: (оскверненно) — Час тот, в который Парамонов бросил бомбу. Пауза.

Явление XVIII

Те же. Входит Девятисоков.

Девятисоков: (тревожно) — Наше вам с кисточкой.

Все (разнообразно) — Здравствуйте.

Девятисоков: (страшно) — Лариса, я хотел тебя спросить: ты еще любишь его?

Лариса: (быстро) — Его? (раздумчиво) Нн... нет..

Девятисоков: (менее страшно) — А того?

Лариса: (раздумчиво) — Того? (быстро) Нн... да!

Ванечка: (оглушающе) — Тогда мне не понятно, что же было тогда?

Лариса: (ревнуя) — Там?

Ванечка: (старательно) — Да. Перед отъездом туда.

Лариса: (взрывающе) — То. Тогда было то. Вот письмо. (Рискованно показывает письмо)

Все: (бестолково) — Все!

Лариса: (уверенно колеблясь) — Я решила на него не отвечать. (Почти уходит).

Выстрел. Комиссар осеменяно падает.

Все: (размахивая) — Ого! (Занавес).

Редакция вернется: актуально.

ВЫШЕЛ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ СЧЕТВЕРЕННЫЙ
НОМЕР ЖУРНАЛА

„НОВАЯ НОВЬ“

(№ 2—3—4—5)

Содержание: А. ПОТРОХОВ: Пики-козыри — роман (продолжение). П. СТАРОМАМИН: Спать хочется — стихи (окончание). К. БЛЯММ: Чайник с носиком — рассказ (продолжение). П. НЕПРИСТОЙНЫХ — Эх-хе-хе!.. — стихи (окончание). С. ВЫРВИЧ: В дополнение к циркуляру от 7/II о показе живого человека — статья (продолжение). ЗИН. ПАЛЕЦ: Один мой знакомый — эпиграмма (продолжение). С. СТРУП: Какой негодяй мог это написать? — критика (начало).

ТАИНСТВЕННОЕ ЛИЦО

Недавно М. И. Калинин обратился к собравшимся у него крестьянским писателям с речью, в которой советовал учиться у классиков.

Рис. М. Храпковского

18848

АРХИВ
2. 8 ИЮН 1934
Г. Ц. К. П.

— Непонятно говорит Михаил Иванович... Советует учиться у Гончарова, а кто он такой,— так и не сказал...